

Чэн Баоли и Чэнь Линлин усадили сыновей. Обе женщины, повидав свет, теперь держались уверенно и непринужденно, умели накраситься и одеться, так что на людях выглядели очень выигрышно для мужчин. Дети вели себя послушно, совсем не шумели, к тому же были хороши собой.

Обе стороны тепло приветствовали друг друга и обменивались любезностями. Чжэн Хайян сидел на стуле и наблюдал за Линь Цзюнем и его сыном. Честно говоря, совсем не скажешь, что они отец и сын. Линь Цзюнь выглядел слишком молодо. Хотя он был одет по-стариковски и по виду был типичным «бывалым», его внешность легко выдавала возраст, да и на сына он совсем не был похож. Ни брови, ни нос, ни глаза — ничего общего.

Сын Линь Цзюня тоже был вежливым, говорил немного. Как и Чжэн Хайян, он сел, поприветствовал всех и замолчал. Взрослые немного поговорили, чтобы освоиться, и перешли на обращение «Сяо» вместо «Босс». Чэн Баоли вдруг сказала:

— Сяо Линь, как зовут твоего сына? Мне почему-то кажется, что он чем-то знаком?

Не сказала бы — ничего, а как сказала, Чжэн Хайян тоже вдруг заметил, что ребенок действительно выглядит знакомо. Кажется... кажется, он его где-то видел?

Линь Цзюнь с безразличным видом улыбнулся:

— О, забыл представить. Моего сына зовут Линь Янь.

Линь Янь? Чэн Баоли замерла и с изумлением произнесла:

— Это тот самый Линь Янь, который сыграл в сериале «Маленький Цзао»?

Линь Цзюнь улыбнулся — спокойно и самодовольно, с выражением лица, словно говорящим: «Да, это он. Мой сын — детская звезда, хвалите меня скорее».

Чжэн Хайян сделал глоток воды и, медленно проглатывая, думал: Линь Янь? Это имя что-то напоминает... И чем больше он думал, тем больше казалось знакомым. Играл в сериале? Маленький Цзао? Детская звезда?

— Пфф... — Чжэн Хайян вдруг выплюнул воду. Он только что вспомнил, кто такой Линь Янь. Это же тот самый актер, который был очень популярен в фильмах и по телевизору в его прошлой жизни?! Неужели это он?!

Он закашлялся. Линь Цзюнь поднял бровь, Чэн Баоли хлопала сына по спине, помогая откашляться. Чжэн Хайян в душе неистово кричал: этот «золотой ключ» был просто невыносим для него! Он никак не думал, что после одного отклонения, повлекшего за собой другие, его жизнь пересечется с будущим королем кино.

Хань И, увидев, что Чжэн Хайян сильно кашляет, несколько раз позвал брата. Линь Цзюнь сидел на другом конце круглого стола и, словно наблюдая за пожаром с другого берега, с легкой улыбкой сказал:

— Лао Хань, твой сын правда милый.

Хань Чжицзюнь кивнул и, повернувшись к послушному сыну, сказал:

— Сяо И, позови дядю.

Хань И поднял глаза, черные глазки сверкнули. Он поджал губы, глядя на Линь Цзюня напротив, маленький кулачок упер в край стола, словно о чем-то вспомнил, и взгляд его «шмыгнул» — вдруг загорелся. Он открыл рот...

Чжэн Хайян, глядя сбоку на этот взгляд Хань И, подумал, что дело плохо. Этот мелкий сейчас глазами светится только, когда речь заходит о деньгах, и в такой момент показать такой взгляд — точно не к хорошему. Он уже хотел броситься закрывать ребенку рот, но было поздно, только и услышал, как Хань И громко прокричал три слова:

— Нувориш!

Все:

— ...

Линь Цзюнь:

— ...

Линь Янь с фырканьем выплюнул воду, совершенно не заботясь о лице отца, и, уткнувшись лицом в стол, смеялся так, что плечи его тряслись.

Крик Хань И прозвучал особенно звонко и чисто, с детской мягкостью, мелодично и приятно, но вот смысл этих трех слов был весьма и весьма неудачен.

Слово «нувориш» используется для описания человека, который внезапно разбогател. Но в нашем Китае все знают, что эти три слова — не похвала, а ругательство.

Поэтому, когда маленький Хань И без всякого предупреждения так звонко выкрикнул «нувориш», его родители чуть не лишились чувств от страха. Чжэн Хайян уже успел прикрыть Хань И рот рукой.

Но Хань И был еще слишком мал и ничего не понимал. В его сердце слова «деньги», «женитьба» и «нувориш» имели внутреннюю связь, понятную только ему одному. Когда ему закрыли рот, он с невинной недоумевающей глядел на своего Яна-ге, махал руками и ногами, пытаясь вырваться.

Чжэн Хайян, закрывая Хань И рот, был готов перед ним пасть. Наконец-то Небеса открыли глаза и дали их семье такой огромный «золотой ключ», только бы этот глупый парень не испортил все одной детской фразой.

Взрослые за столом в течение двух секунд испытывали неловкость, и только Линь Янь на другом конце стола совершенно не давал отцу лица, смеялся так, что голова ушла под стол, плечи дергались. Чем больше он смеялся, тем наглее становился, и в отдельном зале был слышен только звук его подавленного смеха.

Хань Чжицзюнь среагировал быстрее всех и сразу же, улыбаясь, сказал Линь Цзюню:

— Извините, извините, дети говорят без задней мысли, ничего не понимают. Мой мелкий всего два с небольшим года, он еще толком выговорить не может.

Чжэн Пин, Чэнь Линлин и остальные вокруг тоже начали смеяться и шутить, пытаясь спустить это на тормозах. Линь Цзюнь откинулся на спинку стула, с видом богатого повесы, наклонил

голову набок, посмотрел на Линь Яня, который смеялся, уткнувшись в стол, затем медленно повернулся к противоположной стороне стола, приподнял подбородок и произнес:

— Скорее он умный. Я ведь и правда нувориш. Ваш сокровище не ошиблось. Поглядите, даже мой сын знает, что я самый настоящий нувориш.

Это самобичевание заставило всех за столом выдохнуть с облегчением. Чжэн Хайян тоже выдохнул и, увидев, что Хань И успокоился, разжал руку, косо посмотрел на него. Хань И сразу же стал послушным, потянулся рукой к ложке на столе и начал играть с ней в стороне.

Линь Цзюнь улыбнулся и не рассердился. Нувориш так нувориш, и что с того? В нынешнее время богатые живут комфортнее, чем бедные. У него есть деньги — и пусть, что там говорят другие? К тому же, напротив всего лишь двухлетний ребенок, разве он будет с ним спорить? Да и договор уже подписан, даже если передумать, уже поздно.

Этот обед, за исключением того самого «нувориша» в начале от Хань И, прошел действительно так, что и гости, и хозяйева были довольны. Все ели, пили, болтали, ели с большим удовольствием. Взрослые разговаривали, трое детей ели каждый свое. Линь Янь уткнулся в еду, напротив Чжэн Хайян съел две ложки сам и должен был кормить Хань И, перед кормлением завязывая ему на грудь большой платок и кормя его ложкой.

Возможно, еда в ресторане была вкусной, а может, Хань И наелся домашней едой, но в этот день Сяо Ии съел очень много, и Чжэн Хайян кормил его без остановки.

Он сейчас чувствовал, что его «нянькин» дух просто хочет вырваться из атмосферы и устремиться в космос. Выйти поесть, а он все равно нянчится с ребенком. Чжэн Хайян, кормя Хань И, не мог не вытереть для себя горькую слезу.

За столом взрослые, обычно особо не следят за детьми, позволяя им бегать и прыгать, как угодно. Ведь сейчас в каждой семье только один ребенок, родители их очень балуют. Если только дети не начнут крышу срывать, обычно их не ругают.

Раньше Чжэн Хайян выходил с взрослыми поесть один раз, это было с семьей Юй Цю. Их толстый малыш Гуагуа, доев половину, вообще полез под стол, и под стол взрослых, и вокруг круглого стола прополз целых три круга.

Но, очевидно, Линь Янь не был таким энергичным толстым арбузом. Он быстро поел, спрыгнул со стула и побежал к Чжэн Хайяну и Хань И. Он притащил стул сбоку и сел позади Хань И и Чжэн Хайяна, расставил ноги, положил руки на спинку стула и смотрел, как Чжэн Хайян кормит брата.

Чжэн Хайян повернулся и посмотрел на него, улыбнулся:

— Меня зовут Чжэн Хайян.

Линь Янь ответил:

— Меня зовут Линь Янь. Вы двоюродные братья? Или родные?

Чжэн Хайян ответил:

— Ни то, ни другое, не братья.

Хань И сбоку вытер платком весь рот, полный масла, повернулся и сказал:

— Это жена.

Линь Янь рассмеялся, так же, как отец, скривив рот в хитрой ухмылке. Он поднял руку и помял мягкую голову Хань И:

— Тебе сколько лет? Уже про жену знаешь? До женитьбы тебе еще далеко.

Хань И опустил голову, потрогал это и то:

— Это жена.

Дети не стеснялись чужих, поговорили пару фраз и через некоторое время освоились. Чжэн Хайян поел, взял Хань И на руки, трое детей собрались вместе играть. За столом мужчины уже начали пускать дым, блюда продолжали подавать одно за другим.

Чжэн Хайяну было пять лет, Линь Яню в этом году восемь, они вели за собой Хань И, похожего на маленький шарик. Линь Янь обнимал Хань И и, обнимая, говорил:

— Почему он такой толстый? Его даже неудобно держать?

Чжэн Хайян с растерянным видом подумал, что, возможно, он действительно перекармливал его. В последнее время он казался особенно толстым, гораздо толще, чем когда ему только исполнилось два года.

<http://bllate.org/book/16484/1498171>